РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 49. 4-го Декабря 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петерб. ргѣ 5 р. 50 к | Безъ достав и въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р

Главная контора журнала „РОДИНА“ покорнѣйше просятъ гг. подписчиковъ

ПОСПѢШИТЬ ВОЗОБНОВЛЕНІЕМЪ ПОДПИСКИ,

чтобы не произошло замедленія въ полученіи года первыхъ номеровъ 1906-го года, такъ какъ заготовка и провѣрка огромнаго количества адресовъ, поступающихъ въ концѣ при подпискѣ, требуетъ отъ конторы массу труда и времени. При высылкѣ денегъ контора покорнѣйше проситъ приклеивать къ письмамъ и переводамъ **печатные адреса**, по которымъ получается журналъ, а въ случаѣ неимѣнія ихъ, писать адреса какъ можно яснѣе и разборчивѣе.

ЗИМНЯЯ ПРОГУЛКА. Съ картины **Л. Горста.**

Сканировал redaktorer
ruttacker.org

ЕРШЪ и ПЫЖЪ.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи.

Кн. М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе.)

XXXV.

РЕЗУЛЬТАТОМЪ разговора переодѣтаго барона съ Ершомъ и Пыжомъ было то, что баронъ былъ приглашенъ въ блестящее жилище, которое занималъ такой джентльмэнъ, какъ Пыжъ, т. е., въ его подвалъ.

Они провели его черезъ огородъ на задній дворъ.

Окно подвала свѣтилось.

— Огонь-то не потушенъ! должно, тутъ! — замѣтилъ Ершъ, показывая на окно.

Они застали Корецкаго сидящимъ за столомъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ они оставили его; только онъ опустилъ голову на столъ и крѣпко спалъ. Предъ нимъ стояли зажженный фонарь и почти опорожненныя бутылки.

— Вотъ такъ пейзажъ!—усмѣхнулся Ершъ.—Ну, вотъ тебѣ твой товарищъ! — сказалъ онъ барону,— только неизвѣстно, годенъ-ли онъ къ общественной или даже частной жизни.

Баронъ подошелъ къ столу и посмотрѣлъ на бутылки.

— Ого!—удивился онъ.—Коньякъ финшампань и бенедиктинъ, настоящій, заграничный!

— Что, братъ? и тебѣ знакомы подобные сосуды?— проговорилъ ему Ершъ и добавилъ: — ну, вотъ что, благопріятель новоявленный, ты тутъ оставайся, если хочешь, приводи, какъ знаешь, въ чувствіе своего птенца, а намъ съ товарищемъ надо на дѣло еще идти, у насъ время занято....

— Спите-то, небось, днемъ? — подмигнулъ баронъ.

— Ужъ тамъ, когда-бъ ни спали, а только недосугъ намъ теперь...

— Да вы что-жъ, идите! я останусь...

— Ну, и оставайся. Въ случаѣ чего, фонарь потуши...

— Знаю. Ученаго учить...

— Академистъ! — протянулъ одобрительно Ершъ, уходя вслѣдъ за Пыжомъ...

Баронъ остался одинъ съ глаза на глаза съ соннымъ Корецкимъ въ уединенномъ подвалѣ и могъ съ нимъ разговаривать такъ, что ихъ никто не подслушивалъ. Да большаго онъ и желать не думалъ. Это было именно то, что ему казалось нужнымъ въ данную минуту.

Онъ, идя сюда, сомнѣвался насчетъ своей встрѣчи съ Корецкимъ при постороннихъ. Тотъ могъ назвать его по имени „Степкой“, да и не просто „Степкой“, а Тропининымъ! Это было-бы ему во всякомъ случаѣ непріятно, и даже очень'..

Кромѣ того, барону необходимо было переговорить съ Корецкимъ наединѣ, безъ свидѣтелей, и онъ ломалъ себѣ голову, какъ избавиться отъ этихъ двухъ своихъ провожатыхъ?

Впрочемъ, онъ по всѣмъ признакамъ видѣлъ, что это — люди „дѣльные“ и поэтому, вѣроятно, они не станутъ сидѣть ночью дома.

Онъ надѣялся на это, и надежда его оправдалась. Словомъ, все вышло даже сверхъ ожиданія хорошо.

Они ушли.

Баронъ-Тропининъ прислушался къ ихъ удаляющимся шагамъ и до него донесся звукъ захлопнувшейся входной двери.

Но онъ не удовлетворился этимъ. Онъ послѣдовалъ за ушедшими, дошелъ до этой входной двери, пріотворилъ ее, высунулся и въ темнотѣ ночи видѣлъ, какъ двѣ тѣни перелѣзали черезъ заборъ на огородъ.

Убѣдившись, что они ушли дѣйствительно, онъ вернулся въ подвалъ.

Тутъ коньякъ соблазнилъ его и онъ съ большимъ удовольствіемъ выпилъ полстакана. Затѣмъ онъ подошелъ къ Корецкому, взялъ его за плечо и началъ трясти.

Сначала его усилія не привели ни къ чему. Голова Корецкаго моталась изъ стороны въ сторону, но онъ не подавалъ признаковъ жизни, даже глазъ не открывалъ.

— Тьфу ты, пьяная мерзость какая!—разсердился баронъ и снова, еще сильнѣе, сталъ трясти Корецкаго.

Тотъ, наконецъ, во снѣ дернулъ плечомъ, вырвалъ его изъ рукъ барона и повалился на столъ въ прежнее положеніе.

— Да проснись ты, Галактіонъ!—воззвалъ баронъ, но безуспѣшно.

Онъ увидѣлъ, что одной тряской ему не привести въ чувство Корецкаго, а потому оглядѣлъ помѣщеніе подвала — не найдетъ-ли гдѣ-нибудь воды; но ея нигдѣ не было. Мѣстные жители, повидимому, вовсе не употребляли ея и обходились безъ нея...

Но баронъ вспомнилъ, что сегодня былъ дождь, даже ливень и, вѣроятно, на дворѣ гдѣ-нибудь стоитъ кадка у водосточной трубы, наполненная водою.

Онъ сталъ искать тогда ковшика или хоть какой-нибудь посудины, но въ подвалѣ не только не оказалось воды, но даже и вмѣстилища для нея!..

Баронъ вышелъ на дворъ, отыскалъ кадку, зачерпнулъ воды въ картузъ, принесъ и облилъ Корецкаго.

Этотъ легкій душъ подѣйствовалъ: Корецкій открылъ глаза...

— Галактіонъ!—снова окликнулъ его баронъ.

Корецкій съ усиліемъ поднялъ голову и глянулъ, но безсмысленно, не человѣческими, животными глазами...

Баронъ поднесъ фонарь къ его лицу. Корецкій отстранился, а потомъ шевельнулъ зрачками и, случайно остановившись на лицѣ барона, уставился на него...

— Чуръ, чуръ меня! — забормоталъ онъ, отмахиваясь рукою.

Ему казалось, что онъ еще спитъ и видитъ во снѣ непріятную ему рожу.

XXXVI.

Не скоро еще пришелъ въ себя Корецкій настолько, чтобы понять и сознать, кто былъ предъ нимъ.

— А гдѣ-же Пыжъ? тутъ Пыжъ былъ? — спрашивалъ онъ.

— Онъ ушелъ, — старался втолковать ему баронъ.

— А гдѣ-же мы теперь?

— У него, у Пыжа, въ подвалѣ...

— А ты — кто?

— Да ты посмотри! иль не узнаешь?

— Такъ какъ-же ты сюда попалъ?

— Какъ? Черезъ дверь я пришелъ сюда.

— А гдѣ-же монеты?

— Какія монеты?

— Которыя я считалъ сейчасъ... Много было монетъ... золотыя...

— Это ты во снѣ видѣлъ, а я наяву?..

— Наяву?

— Ну, да! Проснись ты, наконецъ!

И баронъ, по крайней мѣрѣ, въ двадцатый разъ принялся встряхивать его.

— Да, вѣдь, ты... ты... Степка! — вдругъ вскрикнулъ Корецкій, какъ-будто очнувшись, наконецъ.

— Тс... не смѣй называть меня такъ!..

— Степка Тропининъ!..

— Не смѣй, говорятъ тебѣ! Я приказывалъ тебѣ звать меня Поддубный... я для тебя Поддубный и есмь...

— Да, да, Поддубный... Но какъ-же ты здѣсь?

— По щучьему велѣнью, по моему прощенью...

— Ты, значитъ, знакомъ съ Ершомъ?..

— Знакомъ.

— И съ Пыжомъ?

— Тоже...

— Хорошо. Теперь понимаю...

— Понимаешь-ли?

— Все отлично. Все могу понять, все, — повторилъ нѣсколько разъ Корецкій, а самъ все-таки на всякій случай потрогалъ столъ, пощупалъ свои колѣнки и оперся на лавку, на которой сидѣлъ, чтобы окончательно удостовѣриться, что не спитъ.

— Ну, если можешь понимать, такъ слушай, что я тебѣ скажу! — сказалъ ему баронъ.

— Слушаю.

— Ты мнѣ опять нуженъ...

— Опять? что значитъ „опять“?

— А то, что если разъ начато, такъ нужно кончать...

— Да, вѣдь, ужъ кончено... Совсѣмъ кончено... Все...

— Кончено, да не совсѣмъ...

— Нѣтъ, совсѣмъ. . Слышишь?..

— Что?

— Вода плещетъ...

— Какая вода?

— Плещетъ, плещетъ... въ темнотѣ плещетъ...

— Ничего не плещетъ. Ты слушай, что я тебѣ говорю...

— Слушаю.

— Пойми ты, что дѣло наполовину только сдѣлано...

— А, вмѣстѣ съ тѣмъ, все кончено...

— Какъ, то есть, кончено?..

— Такъ. Тамъ, вѣдь, все теперь извѣстно. И за мной глазъ есть...

— За тобой глазъ есть?..

— Да...

— Ты проболталъ что-нибудь, песья печенка!..

— Ничего я не болталъ... Постой! что я хотѣлъ тебѣ сказать? да... выпить-бы...

Корецкій потянулся къ бутылкѣ.

— Нѣтъ, — остановилъ его баронъ,—пить я тебѣ больше не дамъ... Ты объясни, отчего „глазъ“ за тобой? Это, вѣдь, значитъ, что слѣдятъ за тобою.

— Слѣдятъ.

— А вексель у тебя?

— Вотъ въ томъ то и штука, что нѣтъ... Да, такъ я и хотѣлъ тебѣ сказать! Ты мнѣ напиши новый... на всякій случай, чтобъ надежнѣе было...

— А старый гдѣ?..

Корецкій свистнулъ.

— Говори, подлецъ, старый гдѣ?

— Пропалъ... въ руки правосудія!..

— Какого правосудія? что ты врешь? не очухался ты еще?..

Степанъ Тропининъ выдалъ Корецкому вексель на огромную сумму, чтобы побудить его стать себѣ помощникомъ, и подписалъ этотъ вексель именемъ Степана Тропинина, не страшась этого потому, что подъ этимъ именемъ никто не зналъ его.

Онъ жилъ подъ видомъ барона и вращался въ такомъ обществѣ, куда Корецкому нельзя было попасть.

Корецкому-же онъ, конечно, не открывалъ, что живетъ подъ видомъ барона, а встрѣтился съ нимъ, какъ и теперь, переодѣтый.

Онъ переодѣвался часто для того, чтобы находить себѣ помощниковъ для своихъ дѣлъ.

Помощники знали его, главнымъ образомъ, какъ Степку Поддубнаго, и никакъ не подозрѣвали, что этотъ Степка можетъ быть щеголеватымъ барономъ.

Дѣла-же были у него разныя.

Жилъ онъ широко, не отказывалъ себѣ ни въ чемъ—одна Минна чего ему стоила. Для этого нужны были деньги; онъ доставалъ ихъ игрою въ карты, игрою на биржѣ, аферами; а когда на этихъ поприщахъ терпѣлъ неудачу, то прибѣгалъ къ другимъ способамъ, не разбирая средствъ.

Чаще всего онъ прекрасно одѣтымъ баріномъ садился въ купэ на желѣзной дорогѣ, съ заранѣе выслѣженной жертвой, а потомъ печаталось въ газетахъ, что на такой-то дорогѣ опять похищены у усыпленнаго наркотическими средствами пассажира перваго класса такія-то и такія-то цѣнности и что преступникъ разыскивается.

Такимъ образомъ, вексель, самъ по себѣ, не могъ быть опасенъ барону въ рукахъ Корецкаго.

Если-бы онъ какимъ-нибудь образомъ попалъ „въ руки правосудія“, то пусть ищутъ по бѣлу свѣту Степана Тропинина! Если-же пришло бы время Степану Тропинину объявиться и стать наслѣдникомъ милльоннаго состоянія дяди, какъ онъ расчитывалъ, тогда вексель былъ-бы опасенъ еще менѣе, потому что изъ милльоннаго состоянія легко можно было уплатить его и уничтожить.

Для барона опасенъ былъ самъ Корецкій, въ томъ случаѣ, если-бы узнали, гдѣ слѣдуетъ, или, вѣрнѣе, гдѣ не слѣдуетъ, о существованіи векселя.

Корецкаго могли допросить по этому поводу и онъ могъ разболтать и выдать, при какихъ обстоятельствахъ былъ написанъ вексель.

А неудобно было для барона выясненіе именно этихъ обстоятельствъ и только они грозили ему, самъ-же по себѣ вексель не представлялъ ничего угрожающаго.

XXXVII.

— Нѣтъ, я вполнѣ очухался и все понимаю! — настойчиво твердилъ Корецкій, къ вящшему неудовольствію барона, для котораго лучше было-бы, если-бъ его слова оказались лепетомъ пьянаго человѣка.

— Покажи мнѣ вексель сейчасъ! — приказалъ баронъ.

— Я-же тебѣ говорю,—улыбаясь, словно это было очень радостно, протянулъ Корецкій, — что онъ попалъ въ руки правосудія.

— Какимъ образомъ?

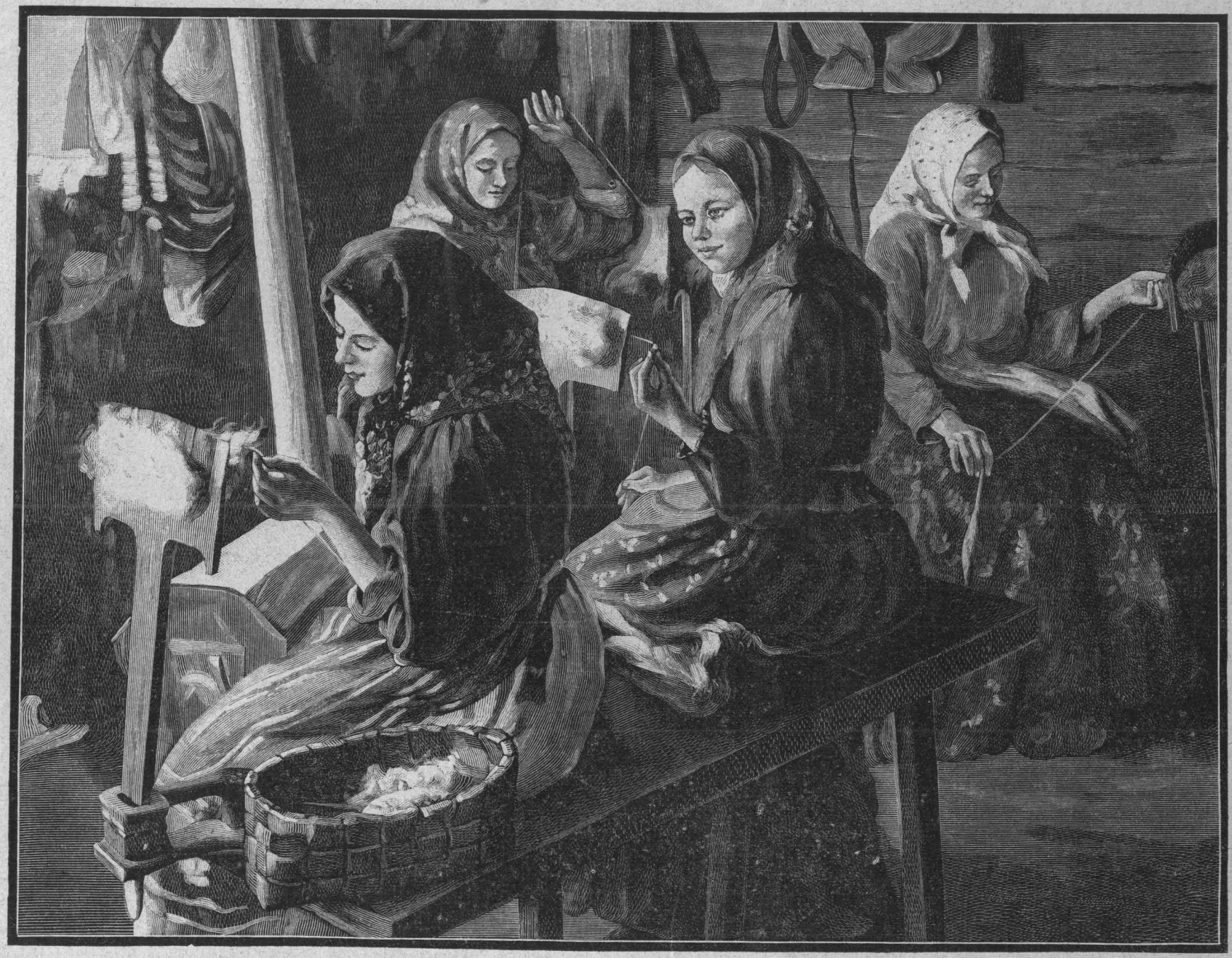
— Въ ночлежномъ у меня вытащили его, а вытащилъ переодѣтый „глазъ“!

— Откуда-же ты это знаешь?

— Мнѣ Ершъ сообщилъ; у него есть свой „глазъ“ въ полиціи.

— Да откуда-же узнали про этотъ вексель, что онъ есть у тебя?

— А я показывалъ его тутъ спьяна актеру одному, товарищу этого самаго арестованнаго.



ПРЯХИ. Съ картины **И. С. Куликова** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ**.

СРЕДЬ ШУМНАГО БАЛА. Съ картины **Г. Бровара** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

— Дуракъ!

— Ну, конечно, онъ — дуракъ! — согласился Корецкій.

— Да ты—дуракъ!.. Гдѣ-же ты сошелся съ этимъ актеромъ?

— Въ трактирѣ.

Барону вдругъ только теперь представился весь ужасъ его положенія.

Ужасъ заключался въ томъ, что теперь, откройся даже тропининское наслѣдство, онъ не могъ-бы немедленно заявить на него свои права, потому что выданный имъ Корецкому вексель, очевидно, безденежный и на огромную сумму, долженъ былъ вызвать неминуемое подозрѣніе.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть! — невольно воскликнулъ онъ.

— Чего? — удивился Корецкій.

— А тебя этотъ актеръ давно знаетъ?—спросилъ баронъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Давно.

— Какъ Стрюцкаго или какъ Галактіона Корецкаго?

— Какъ Галактіона Корецкаго. Моя дочь у него.

Часъ отъ часа барону становилось не легче!

Будь Корецкій неизвѣстенъ никому, его было-бы можно выдать за богатаго коммерсанта и сказать, что вексель выданъ этому богатому коммерсанту, а что оборванецъ Стрюцкій укралъ у него этотъ вексель и выдаетъ только себя за Корецкаго.

Но всѣ ухищренія падали сами собой, когда дѣйствительно Корецкаго, какъ оборванца, давно зналъ актеръ, у котораго была его дочь.

Оставалась одна надежда, что Корецкій вретъ спьяна, чтобы либо напугать, либо выманить еще что-нибудь.

— Нѣтъ! этого не можетъ быть! ты врешь!— повторилъ опять баронъ.—Покажи сейчасъ вексель!

Корецкій развелъ руками.

— Н-н-н-е м-м-могу!

— Я говорю тебѣ, чтобы ты досталъ сейчасъ вексель, или я съ тебя шкуру спущу!..

Баронъ всталъ и приблизился къ Корецкому.

Тотъ, рефлективнымъ движеніемъ, сталъ шарить у себя на груди.

— Да нѣтъ-же! вотъ онъ тутъ былъ, на веревочкѣ, а теперь его нѣтъ! видишь?

— Я ничего не хочу видѣть и знать не хочу! вексель!.. — крикнулъ баронъ и ударилъ по столу кулакомъ, такъ что стоявшія на немъ бутылки задребезжали.

Корецкій откинулся назадъ и вытянулъ руки.

— Ты чего-же кричишь на меня? услышатъ.

— Тутъ никто не услышитъ! мы одни съ тобой!.. вексель, говорятъ тебѣ!..

Бѣшенство гнѣва уже охватило барона. Расчеты о тропининскомъ наслѣдствѣ и вообще о будущемъ отодвинулись на второй планъ и затуманились этимъ бѣшенствомъ. Онъ видѣлъ только настоящее, а въ настоящемъ предъ нимъ былъ человѣкъ, который могъ выдать его головой; глупый, пьяный человѣкъ, оказавшійся совсѣмъ не тѣмъ, какимъ счелъ его баронъ, когда взялъ себѣ въ помощники.

Въ первый разъ въ жизни онъ ошибся въ человѣкѣ; надо было во что-бы то ни стало поправить эту ошибку и уничтожить этого человѣка.

Глаза барона налились кровью, онъ наступалъ на Корецкаго.

Тотъ оробѣлъ предъ нимъ и, оробѣвъ, сталъ слезливо и подло искать спасенія въ униженіи и мольбѣ.

— Вотъ тебѣ клятву даю,—завопилъ онъ,—что, будь только у меня этотъ вексель, я отдалъ-бы тебѣ его, пропади онъ совсѣмъ!.. Но его нѣтъ у меня, нѣтъ!.. что хочешь, дѣлай...

Сомнѣнія не оставалось: у Корецкаго векселя не было.

Баронъ кинулся на него, но не расчиталъ своего движенія; они скатились на полъ, перевернули скамейку.

У барона сверкнулъ ножъ въ рукахъ, выхваченный имъ изъ-за пазухи, и подвалъ огласился отчаяннымъ крикомъ Корецкаго.

Баронъ былъ сильнѣе его, гораздо сильнѣе и зналъ навѣрное, что справится съ нимъ. Онъ и не съ такими справлялся! Помощи-же Корецкому ждать было неоткуда!

Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное ни барономъ, ни Корецкимъ.

Неизвѣстно—откуда, выскочили, словно изъ-подъ земли выросли, двое людей, бросились на барона и высвободили изъ-подъ него Корецкаго.

Баронъ вскочилъ на ноги, рванулся и бросился къ двери.

Эти двое были Ершъ и Пыжъ, явившіеся на выручку Корецкаго, хотя и не совсѣмъ во-время.

Корецкій лежалъ на землѣ, рубашка у него была окровавлена, баронъ успѣлъ нанести ему рану ножомъ.

Ершъ и Пыжъ не преслѣдовали бѣжавшаго барона, у нихъ было дѣло гораздо болѣе серьезное—возлѣ раненаго Корецкаго.

Въ только что происшедшей свалкѣ бородка у Ерша оказалась сорванной съ лѣвой щеки. Явно было, что она у него не своя, а поддѣльная, но Корецкій не могъ это замѣтить: онъ недвижнымъ пластомъ лежалъ на землѣ съ закрытыми глазами.

(Продолженіе будетъ.)

Желанный край.

Холодный сѣверъ, сѣренькое небо
И на землю спустившійся туманъ,
И громкій стонъ, куска просящій хлѣба,
И залитый огнями ресторанъ,
И человѣкъ, холодный, какъ природа,
И женщина, безплодна, какъ земля,
Лежащая подъ снѣгомъ по полгода—
О, нѣтъ, не къ вамъ летитъ мечта моя!

Я вижу край, гдѣ вѣчною весной
Даритъ природа... Гдѣ среди степей
Привольно дышишь грудью ты больной,
Гдѣ все цвѣтетъ роскошнѣй и пышнѣй
И гдѣ она, подруга дорогая,
Еще живетъ, и солнце съ высоты
Глядитъ на землю, весело сіяя...
На югъ, на югъ летятъ мои мечты!

М. Караулов.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

Разсказъ изъ недавняго прошлаго. **Н. Д. Старостина.**

(Продолженіе.)

ЗАРУДНЫЙ, при помощи сестры, которая особенно какъ-то понравилась ему своею холодною любезностью и простою, неподдѣльною искренностью, хорошо, аппетитно поѣлъ, выпилъ стаканъ чая и, чувствуя себя въ хорошемъ расположеніи духа, обратился къ сестрѣ:

— Скажите, пожалуйста, сестрица, ваше имя, отчество.

— Татьяна Сергѣевна,—отвѣтила сестра.

— А фамилія?

— Фамилія? Николаева. А что?..

— Такъ, для памяти. А что, Татьяна Сергѣевна, должно быть, труденъ этотъ офицеръ? — показалъ Зарудный рукой на вновь прибывшаго, который все еще продолжалъ что-то невнятно говорить и стонать.

— Положеніе его очень трудно... Едва-ли, бѣдный, вынесетъ: осколокъ шрапнели сильно истерзалъ ему грудь... лицо пострадало тоже сильно: почти половину правой щеки вырвало... Страшныя мученія терпитъ, несчастный.

Зарудный тяжело вздохнулъ и поглядѣлъ на лежавшаго. По его вытянувшемуся тѣлу можно было заключить, что этотъ человѣкъ былъ высокаго роста; правая рука его, лежавшая на одѣялѣ, была блѣдна и кисть ея, казавшаяся выточенною изъ мрамора, была нѣжна и выхолена. Ни загаръ, ни военная жизнь не успѣли, казалось, наложить на нее свой грубый, закаленный отпечатокъ. Лицо его было почти все забинтовано: только крупныя яблоки глазъ, закрытыя блѣдными, почти прозрачными вѣками, да нижняя часть лица—чистый подбородокъ съ нижнею губою—были открыты; безкровная губа была покрыта красноватою слюною, которая, выходя изо рта, тонкой струйкой сходила внизъ по подбородку. Можно было предположить, что этотъ офицеръ только что пріѣхалъ изъ Россіи. Зарудный внимательно остановился на этомъ лицѣ — и ему показалось что-то знакомое въ абрисѣ нижней губы и подбородка... и эти черные волосы, теперь такъ рѣзко, такъ выпукло выступавшіе изъ общаго блѣднаго тона, показались ему тоже знакомыми...

„Гдѣ-то я, кажется, видѣлъ этого человѣка, — подумалъ онъ. — Впрочемъ, мало-ли кажется людей похожихъ другъ на друга; да и притомъ эти бинты, эта смертельная блѣдность“...

Вдругъ больной офицеръ заметался и открылъ красные, воспаленные глаза. Рука быстро поднялась вверхъ и тотчасъ-же, какъ плеть, безсильно упала. Сестра поспѣшила къ нему.

— Не хочу... не хочу...—невнятно заговорилъ раненый.—А все-таки... гдѣ Богъ—вездѣ и нигдѣ... До... ра...—застоналъ онъ.—А война... война... Ухъ... впередъ... ухъ...

Онъ опять силился поднять руку, но сестра старалась удержать его. Страшными, воспаленными глазами онъ словно впился въ нее и снова заговорилъ:

— Гдѣ... Дора?.. Она здѣсь... Ты—Дора?..

— Да, я...—отвѣтила сестра:—успокойся...

— А я... я знаю, гдѣ... онъ... Онъ скачетъ... на драконѣ... въ рай... Воды!.. воды!..—вдругъ закричалъ раненый и заметался.

На помощь сестрѣ явились санитары и всѣ они старались тихо удержать больного, который, послѣ нѣсколькихъ минутъ возбужденія, остался опять неподвижнымъ на кровати.

Зарудный почему-то слѣдилъ за нимъ; что-то подсказывало ему, что этотъ больной знакомъ ему. Наконецъ, санитары и сестра ушли; теперь этотъ раненый офицеръ молча лежалъ безъ движенія, какъ пластъ, только нижняя губа его нервно подергивалась.

Прошло минутъ десять-пятнадцать.

— Я найду его, Дора... найду... клянусь... — опять заговорилъ больной. — Да... да... да... да... ахъ... За... за... за... за... Охъ... охъ... Боже мой... Огонь... огонь... огонь здѣсь... Маршъ впередъ!.. Ура!.. охъ...

Зарудный даже нѣсколько перегнулся въ сторону бредившаго офицера и тотчасъ-же опять почувствовалъ боль въ ногѣ и плечѣ. Онъ легъ на спину и, выпростав руки изъ-подъ одѣяла, сталъ безцѣльно глядѣть впередъ. Больной сосѣдъ все еще продолжалъ бредить, но этотъ бредъ становился все тише и тише, невнятнѣе и вскорѣ умолкъ.

День клонился къ вечеру. Сумерки уже наступили. Въ палатѣ дѣлалось замѣтно темнѣе: задняя стѣна ея отъ Зарудnаго словно подернулась дымкой; мракъ сгущался и сквозь него неясно проступали кровати съ больными. Настала рѣдкая для госпиталя тишина: никто не охалъ, не кричалъ; словно всѣ находящіеся тутъ больные и раненые, послѣ мученій, заснули тихимъ сномъ или успокоились навѣки... Зарудному въ сгущенномъ сумракѣ даже стало какъ-то жутко. Спать ему не хотѣлось, глаза невольно перебѣгали съ постели на постель.

И вдругъ среди этой тишины и жути его сосѣдъ закричалъ страшнымъ, хриплымъ голосомъ:

— Вотъ онъ!.. Ага... Дра-а-конъ... въ рай... Трахъ!.. Марченко... Марченко... лошадь подай... охъ... охъ... Ou allez-vous... a present *)?.. Ха-ха-ха!.. — дико захохоталъ онъ...

Зарудный, несмотря на боль, даже привскочилъ на кровати; холодный потъ проступилъ у него на лбу и волосы сами собой отъ затылка стали подниматься кверху. На нѣкоторыхъ кроватяхъ поднялись больные и всѣ они глядѣли въ сторону бредившаго офицера. Наконецъ, зажгли лампы и явилась сестра.

— Я его найду... найду, Дора...—снова заметался больной. — Марченко, лошадь... Ха-ха-ха...

Зарудный пристально-пристально при отблескѣ лампы глядѣлъ на бредившаго офицера и въ его измѣнившемся голосѣ, въ самой интонаціи его, подмѣтилъ что-то новое, знакомое, и въ умѣ Зарудnаго явилась мысль, складывалось предположеніе.

„Да, вѣдь, это — онъ, онъ... Возможно-ли?“ — подумалъ Зарудный.

III.

Прошлая жизнь Павла Петровича Зарудnаго не блистала красотами и довольствомъ. Отецъ его, нѣкогда богатый помѣщикъ, владѣвшій обширнымъ имѣньемъ въ одной изъ южныхъ губерній Россіи, подъ конецъ своей жизни разорился, частью проигравъ, частью прокутивъ состояніе. Видя свое безвыходное положеніе, онъ затосковалъ и вскорѣ умеръ отъ разрыва сердца.

Павлу Петровичу было тогда десять лѣтъ. Мать его, послѣ смерти мужа, осталась ни съ чѣмъ: все хозяйство, заключавшееся въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи, было продано за долги съ аукціона. Сорокалѣтняя вдова Зарудная съ единственнымъ

*) Куда вы теперь идете?

своимъ сыномъ должна была волей-неволей переселиться къ своей сестрѣ—теткѣ Павла Петровича—въ Воронежъ. Тетка Зарудnаго—Вѣра Власьевна Погожева—была замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Яковлевичемъ Погожевымъ, занимавшимъ видный постъ и хорошо извѣстнымъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. Погожевы лѣтъ десять назадъ похоронили единственнаго сына и съ тѣхъ поръ оставались бездѣтными. Когда мать съ сыномъ пріѣхали къ нимъ въ Воронежъ, Погожевы очень обрадовались имъ и, обладая хорошими средствами, оставили ихъ у себя. Вѣра Власьевна скоро полюбила тихаго, ласковаго мальчика-племянника и вмѣстѣ съ мужемъ занялась его воспитаніемъ.

Живя у тетки, Павелъ Петровичъ чувствовалъ себя хорошо, но въ то-же время, съ годами, сознавалъ, что живетъ хотя и у родныхъ, но въ родѣ приживальщика; это было противно его самолюбію, которое современемъ стало какъ-то сглаживаться по отношенію къ пріютившимъ его. Матушка его, переѣхавъ къ сестрѣ, быстро стала старѣть: чужое гнѣздо, хотя и родныхъ и хорошихъ людей, угнетало ее послѣ своего бывшаго хозяйства и, когда Павелъ Петровичъ поступилъ въ кадетскій корпусъ, она уже казалась сморщенною старушкою.

Матушку свою Зарудный любилъ всею душою. Она для него была все. Она, по своему тихому нраву, пріучила его къ кротости и незлобію; благодаря ей-же, онъ былъ всегда вѣрующимъ христіаниномъ и никакія ученія не могли поколебать его вѣру въ православіе. Правдивый и честный, онъ всегда глядѣлъ прямо въ глаза жизни, не боясь превратностей. Когда онъ въ первый разъ надѣлъ офицерскій мундиръ и явился въ немъ предъ матушкой, она со слезами поцѣловала его и благословила на честную службу Царю и родинѣ. Въ тотъ-же вечеръ его воспитатели, которыхъ онъ, конечно, горячо благодарилъ за все то, что они для него сдѣлали, сдѣлали для него вечеръ и подарили новому офицеру пять тысячъ для „своего капитала“.

Старушка Зарудная вскорѣ послѣ этого радостнаго дня скончалась. Много горя принесла смерть любимой матери Павлу Петровичу.

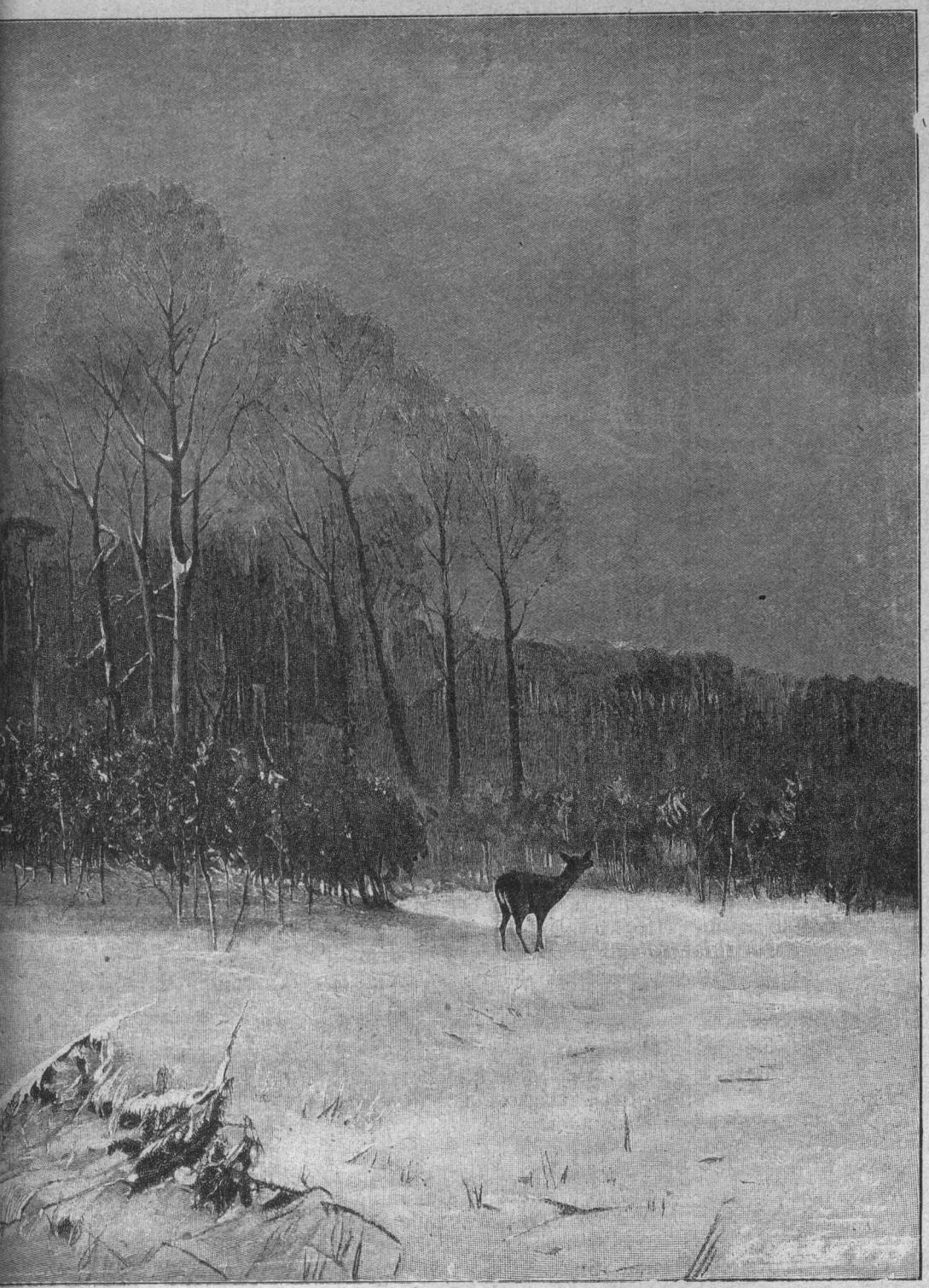
Послѣ похоронъ матери, Павелъ Петровичъ поступилъ въ N—скій пѣхотный полкъ подпоручикомъ.

Прощаніе его съ воспитателями было родственное сердечное. Погожевъ, любившій его, какъ сына, обѣщалъ ему и впередъ покровительство; тетка расплакалась, расцѣловалась съ нимъ и просила чаще писать.

Съ поступленіемъ въ полкъ жизнь Зарудnаго нѣсколько перемѣнилась: служба отнимала свое время, появились новыя знакомства, новыя впечатлѣнія, но его воззрѣнія на жизнь вообще оставались все тѣ-же. Если иногда въ кругу товарищей-офицеровъ поднимался вопросъ, касающійся религіи, Павелъ Петровичъ всегда оставался вѣренъ догматамъ православія и, смотря по характеру противника, или разбивалъ его доводы, или умолкалъ, оставаясь при

ЗИМНІЯ СУМЕРКИ

своемъ мнѣніи. Въ общемъ, въ полку у него враговъ не было: начальство видѣло въ немъ аккуратнаго, честнаго, заботящагося о своемъ долгѣ служоы офицера, товарищи — хорошаго друга-товарища, всегда правдиваго, пріятнаго, въ обращеніи корректнаго и очень начитаннаго; солдаты любили его за его



картины **Ф. Натъ.**

прямоту, справедливость и доброту. Въ общемъ, въ полку ему жилось, хотя и не богато, но хорошо и свободно.

Павелъ Петровичъ былъ поклонникомъ всѣхъ искусствъ, музыку-же и литературу онъ страшно любилъ. Живя холостякомъ, онъ свободное время отдавалъ книгамъ и былъ знакомъ съ произведеніями почти всѣхъ выдающихся писателей. Мѣстный городской театръ дарилъ его оперой, и, обладая недурнымъ баритономъ, Зарудный часто въ кругу товарищей пѣлъ баритонныя партіи изъ нихъ. Что ка ается до кутежей, то онъ сторонился ихъ, сторонился потому, что вообще не видѣлъ въ нихъ ничего хорошаго, да и рессурсы для этого у него были недостаточны. Цѣль жизни для него заключалась не въ пьяномъ дебоширствѣ благороднаго человѣка, а въ существенной пользѣ чему-нибудь хорошему — человѣку или отчизнѣ. Живя одиноко со своими чистыми помыслами, Зарудный словно избѣгалъ близкаго знакомства съ женщинами, но случайная встрѣча чуть не перевернула всей его жизни: онъ познакомился съ одной молодой вдовушкой, и чувство, похожее на любовь, колыхнулось въ немъ. Онъ хотѣлъ было уже сдѣлать ей предложеніе, но во-время одумался и остался свободнымъ. Вдовушка, какъ оказалось впослѣдствіи, имѣла массу поклонниковъ и только для имени „жены“ ловила мужа на удочку. Этотъ случай еще болѣе закалилъ Павла Петровича относительно женщинъ. Много труда стоило-бы Гименею надѣть на такого человѣка цѣпи супружества, но въ жизни являются такія, непредвидѣнныя случайности, что люди сами часто удивляются на свои дѣянія и чувства.

Итакъ, полковая жизнь Зарудnаго текла ровно, безъ толчковъ, безъ треволненій.

Однажды Павелъ Петровичъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ своего воспитателя Николая Яковлевича Погожева. Послѣдній въ теплыхъ выраженіяхъ писалъ своему „милому воспитанн ку“, что дѣла службы заставили его покинуть Воронежъ и они переселились уже въ Петербургъ, гдѣ онъ получилъ новое назначеніе. Далѣе сановникъ писалъ; „не дурно было-бы послужить тебѣ въ Петербургѣ: здѣсь ты былъ-бы на виду и скорѣй могъ-бы сдѣлать себѣ карьеру“. Зарудный до „дѣланія карьеры“ не былъ охотникомъ, но Петербургъ, гдѣ онъ ни разу не былъ, казался ему привлекательнымъ, и онъ не прочь былъ-бы поглядѣть на эту хваленую столицу Великаго Петра. Въ концѣ письма тетка приписала ему нѣсколько теплыхъ словъ и просила его непремѣнно пріѣхать. „Если ты стѣсняешься въ деньгахъ — пиши, я тебѣ пришлю, но мое желаніе ты долженъ исполнить“, — гласила ея приписка.

Павелъ Петровичъ, при свой аккуратной жизни, никогда не нуждался въ деньгахъ и потому не просилъ тетки объ ихъ высылкѣ, но, желая обрадовать искренне любившихъ его „стариковъ“ (такъ про себя онъ звалъ своихъ воспитателей), взялъ мѣсячный отпускъ и, не увѣдомивъ ихъ, прикатилъ изъ своего захолустья въ невскую столицу.

Наружный блескъ Петербурга не обезкуражилъ Зарудnаго своей красотою — онъ даже почему-то ожидалъ встрѣтить нѣчто большее, — но музеи столицы увлекли его любознательность: онъ подолгу разсматривалъ старину и науку.

Эрмитажъ привелъ его въ восторгъ своими великими произведеніями искусства. Павелъ Петровичъ погружался въ даль вѣковъ и, казалось, забывалъ о себѣ предъ произведеніями Кановы, Мурильо и прочихъ великихъ иностранныхъ художниковъ. Съ русскими художниками его познакомилъ „Музей императора Александра III“; то, о чемъ онъ такъ много читалъ, теперь предстало предъ глазами Павла Петровича—и онъ предавался восторгу при видѣ родного творчества. Что касается до его любимой музыки, то онъ заслушивался ею въ Императорской оперѣ, гдѣ слушалъ русскихъ выдающихся пѣвцовъ и пѣвицъ.

Большая, со вкусомъ обставленная, квартира Погожевыхъ находилась въ одномъ изъ лучшихъ домовъ на Сергѣевской улицѣ. При появленіи въ этой квартирѣ Павла Петровича поразила дорогая, роскошная обстановка „стариковъ“. Разглядывая нѣкоторыя бездѣлушки, Павелъ Петровичъ приходилъ въ восхищеніе отъ миніатюрной художественной работы ихъ. Сколько нужно было убить времени и терпѣнія, чтобъ вырѣзать изъ куска слоновой кости изящную ажурную вещицу!..

„Старики“ встрѣтили Павла Петровича болѣе чѣмъ радушно: они обрадовались ему, какъ родному сыну. Послѣ долгой разлуки Зарудный предсталъ предъ ними болѣе возмужалымъ человѣкомъ и, будучи уже въ чинѣ капитана (о чемъ, впрочемъ, „старики“ знали изъ его писемъ), показался имъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Тебѣ, Павлуша, теперь самая пора жениться,— любуясь племянникомъ, сказала ему тетка, когда онъ въ первый разъ по пріѣздѣ сѣлъ вмѣстѣ съ ними за завтракъ. — Ты — завидный женихъ по внѣшности, что-же касается до... денегъ, то ты можешь быть покойнымъ: мы объ этомъ позаботились — ты обезпеченъ...

— Спасибо, тетушка, — просто поблагодарилъ Павелъ Петровичъ, — я — еще большой должникъ вашъ за прошлое; но что касается женитьбы, то я еще не думалъ объ этомъ.

— И молодецъ! — похлопалъ его по плечу Николай Яковлевичъ. — Не думалъ, значитъ, не о чемъ было думать, не было матеріала для этой думы; ну, а если подвернется такая вещь, то я полагаю, что тогда и говорить нечего другимъ: самъ задумаешься... Правда, Павлуша?..

— Пожалуй, правда, ваше превосходительство.

— Ахъ, не величай хоть ты-то меня, пожалуйста! надоѣло... А отъ тебя мнѣ пріятно слышать свое имя, отчество. Ну, разскажи теперь намъ, Павлуша, какъ ты проводишь жизнь въ своемъ N—скѣ?.. Какое впечатлѣніе произвелъ на тебя Петербургъ?..

Павелъ Петровичъ, не смущаясь, долго говорилъ о городской жизни N—ска, о товарищахъ, о службѣ и проч. Погожевы слушали его и, когда онъ кончилъ, Николай Яковлевичъ сказалъ:

— У меня, Павлуша, явилась мысль предложить тебѣ перевестись сюда, въ Петербургъ. Здѣсь ты можешь скорѣй пробить себѣ дорогу; въ вашемъ-же N—скѣ ты останешься незамѣтнымъ... А я похлопочу о тебѣ: представлю тебя, познакомлю съ высшимъ свѣтомъ; это дастъ тебѣ толчокъ къ будущей карьерѣ...

— Благодарю васъ, Николай Яковлевичъ, — искренне поблагодарилъ Зарудный, — но, право, мнѣ кажется... кажется, что я покажусь неловкимъ... незамѣтнымъ орѣшкомъ среди вашихъ великолѣпныхъ петербургскихъ фруктовъ. А ужъ если рѣшиться быть среди роскошнаго букета, то нужно и самому быть хорошимъ цвѣткомъ...

— Ah, mon Dieu! — шутливо воскликнула тетка, — ты, мой милый племянникъ, ужъ не сдѣлался-ли медвѣдемъ въ своемъ медвѣжьемъ углу. Какого-же еще искать цвѣтка, если ты себя считаешь репейникомъ?.. Нужно взяться за тебя... Ты ужъ не разучился-ли говорить по-французски?..

— Нѣтъ, говорю, но не лучше, чѣмъ раньше...

— Это все — глупость, — авторитетно замѣтилъ сановникъ. — Ты у насъ будешь жить и мы будемъ говорить по-французски, вотъ и все... Но главное, это — знакомство съ высшимъ свѣтомъ... Это необходимо для тебя...

— Ну, а скажи, Павлуша, ты все такъ-же религіозенъ, какъ и былъ раньше? — спросила тетка.

— Да, тетушка... я не нахожу смысла мѣняться въ своихъ взглядахъ на религію: мои вѣрованія остались тѣ-же... надѣюсь, что это останется такъ и до могилы.

— Это дѣлаетъ тебѣ честь; среди нашего образованнаго общества мало людей вѣрующихъ, все болѣе какіе-то индифферентики... Совѣтую тебѣ сходить въ соборъ, въ лавру...

— Да, тетушка, я уже думалъ объ этомъ...

Недѣлю спустя, Зарудный въ новой съ иголочки формѣ былъ представленъ въ нѣкоторые аристократическіе дома Петербурга. Одни изъ этихъ домовъ показались ему пріятными, хорошими; другіе-же претили ему своей утрирующей любезностью и высокомѣріемъ; здѣсь, казалось ему, люди ходили всегда въ маскахъ, говорили, какъ попугаи, заученныя фразы, — и все это дѣлалось какъ-то шаблонно. Но въ этихъ послѣднихъ домахъ ему казалось особенно и глупымъ, и противнымъ то, что эти высокопоставленные люди глядѣли на меньшую братію какъ-то всегда сверху внизъ, съ очень высокаго верха въ очень глубокую низину, словно подъ подбородкомъ этихъ людей торчала рогатка, которая поднимала всю высокопоставленную голову вверхъ... Этимъ людямъ, по ихъ складу и ихъ взглядамъ на жизнь вообще, Павелъ Петровичъ не могъ симпатизировать...

Лучшимъ изъ нихъ Зарудному показался уютный особнякъ княгини Калишидзе. Милліонерша-княгиня была уже старая женщина, но удивительно хорошо сохранившаяся. Домъ ея былъ полная чаша. Княгиня года два тому назадъ овдовѣла и имѣла одну дочь-невѣсту. Жила княгиня на широкую ногу: содержала громадный штатъ прислуги, часть которой почти ничего не дѣлала, имѣла своихъ рысаковъ. По средамъ въ ея пышномъ домѣ происходили шумныя собранія, на которыя съѣзжались сливки петербургскаго общества.

Когда Зарудный въ первый разъ пріѣхалъ со своимъ воспитателемъ къ княгинѣ Калишидзе, онъ былъ пораженъ изяществомъ и вкусомъ комнатъ

аристократки. Николай Яковлевичъ представилъ Павла Петровича этой старухѣ, которая ласково приняла его и заставила разсказывать, что онъ встрѣтилъ новаго въ столицѣ. Павелъ Петровичъ не смутился: онъ говорилъ откровенно все то, что чувствовалъ при видѣ того или другого изъ предметовъ искусствъ; о театрѣ онъ говорилъ съ увлеченіемъ.

— Вы — поэтъ, — усмѣхнулась княгиня. — Это хорошо... Сейчасъ замѣтенъ здоровый взглядъ человѣка на вещи... А вотъ и моя дочь Дора...

IV.

Зарудный повернулъ голову и былъ пораженъ красотою княжны: къ нимъ подходила стройная изящная шатенка, лѣтъ двадцати. Павлу Петровичу на своемъ вѣку приходилось встрѣчать много красивыхъ женщинъ, но такой поразительной красоты онъ не встрѣчалъ. Въ княжнѣ Дорѣ гармонировали два типа: великорусскій съ грузинскимъ, и это сочетаніе придавало ей особую прелесть. Имѣя изящныя, тонкія линія лица, княжна обладала большими выразительными темно-карими глазами; маленькій ротикъ ея казался махровой розой подъ прямымъ, съ легкой горбинкой посрединѣ носомъ; пышные выхоленные волосы ото лба гладко были зачесаны назадъ, гдѣ, перевитые искусной рукой въ римскую прическу, казались красивымъ узломъ, который огибала изящная заколка. Пышно развитыя, округленныя формы ея тѣла охватывало легкое платье. Княжна казалась беззаботной, веселой. Послѣ обычныхъ, формальныхъ представленій молодыхъ людей другъ другу, она сѣла нѣсколько въ сторону и, взявши французскую иллюстрацію, стала ее перелистывать.

Павелъ Петровичъ почувствовалъ, что съ нимъ происходитъ что-то неясное для него: словно что-то хорошее, пріятное, спавшее въ немъ до сихъ поръ, проснулось и затрепетало... и это „что-то“ было такъ ново для него, такъ сладостно, что, казалось ему, онъ весь вѣкъ желалъ-бы обладать этимъ чувствомъ. Княгиня что-то говорила тайному совѣтнику, а онъ, Зарудный, глядѣлъ и любовался этой опущенной надъ иллюстраціей головкой княжны... „Боже, какъ она хороша, какъ дивно хороша!“ думалъ онъ о Дорѣ.— Да, правда, никогда, никогда нигдѣ не встрѣчалъ я подобной красоты и граціи“... А старая княгиня, между тѣмъ, говорила съ Николаемъ Яковлевичемъ о какомъ-то покойномъ графѣ Z., ея дальнемъ родственникѣ, и просила Погожева прислать ей имѣвшуюся у него фотографическую карточку этого графа Z., которой у нея не было. Тайный совѣтникъ съ восторгомъ обѣщалъ исполнить эту просьбу.

Зарудному въ этотъ первый разъ пришлось ограничиться почти только созерцаніемъ красавицы, онъ успѣлъ сказать съ нею всего нѣсколько общихъ словъ и разговоръ какъ-то прервался.

— А вы, m-r Зарудный,— очень интересный молодой человѣкъ, — сказала нашему герою при прощаніи старая княгиня: — право, я люблю такихъ здоровыхъ самобытныхъ людей, люблю ихъ искреннія, честныя убѣжденія. Не забывайте насъ, у насъ бываютъ собранія по средамъ, но вы можете, кромѣ того, бывать у насъ, когда вамъ угодно... Навѣщайте старушку... — улыбнулась она. — А княжна усладитъ вашъ эстетическій вкусъ музыкой...

— Mercі, — проговорилъ Зарудный и, простившись съ княжной Дорой, уѣхалъ домой съ Николаемъ Яковлевичемъ.

— Ну, какъ ты, Павлуша, находишь княгиню и княжну? — спросилъ его дорогой Погожевъ.

Тотъ, размечтавшись о княжнѣ, отвѣтилъ не сразу.

— Что вы сказали?..

Тайный совѣтникъ повторилъ свой вопросъ.

— Кромѣ хорошаго, ничего... Княгиня, повидимому, — прекрасная женщина; княжна... я такъ еще мало ее знаю... она—красавица...

— О красотѣ княжны говорятъ всѣ... Чуть-ли не всѣ молодые гвардейскіе офицеры вздыхаютъ по ней, но, кажется, она еще не выбрала избранника... Княгиня не стѣсняетъ ея въ выборѣ жениха, она даетъ дочери въ этомъ полную свободу... Княжна—дѣвушка довольно не глупая... Я хорошо былъ знакомъ съ княгиней еще въ дѣтствѣ: помѣстье ея отца было въ сосѣдствѣ съ нашимъ помѣстьемъ въ Воронежской губерніи. Потомъ она вышла замужъ за грузинскаго князя Сергѣя Васильевича Калишидзе. Это былъ потомокъ грузинскихъ царей... человѣкъ очень богатый, образованный, занимавшій высшія административныя должности въ имперіи. Съ нимъ я тоже коротко познакомился. А теперь, когда княгиня овдовѣла, мы съ нею часто бываемъ другъ у друга. Знаешь, воспоминанія далекаго прошлаго какъ-то особенно сближаютъ людей подъ старость...

— Конечно, — односложно отвѣтилъ Зарудный, думая о княжнѣ.

Съ тѣхъ поръ образъ княжны Доры носился предъ нимъ наяву и во снѣ. Стоило Павлу Петровичу о чемъ-нибудь задуматься, и, какъ живая, являлась предъ нимъ Дора съ опущенной внизъ головкой, какою онъ наблюдалъ ее въ первый день ихъ знакомства.

На третій день Зарудный былъ молчаливъ и задумчивъ. Тетка, видя его такимъ „букой“, съ испугомъ спросила его: „что съ нимъ? здоровъ-ли?..“ Онъ отвѣтилъ, что здоровъ, что это „такъ“... „ничего“...

— Тебѣ, скучно, мой другъ, съѣзди въ театръ: сегодня идетъ твоя любимая опера—„Фаустъ“.

— Хорошо, тетушка, я въ театръ отправлюсь.

Но и въ антрактахъ, и послѣ оперы мысли Зарудаго были заняты княжной.

„Какъ-бы мнѣ посмотрѣть на нее еще хоть разъ, и тогда уѣхалъ-бы поскорѣй въ полкъ“,—думалъ онъ.

На другой день, когда Зарудный собирался на прогулку, Николай Яковлевичъ попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

— У меня до тебя, Павлуша, есть просьба, — сообщилъ онъ своему воспитаннику: — съѣзди, пожалуйста, къ княгинѣ Калишидзе. Вотъ конвертъ, передай его ей: тутъ фотографическая карточка ея дальняго родственника. Я обѣщалъ ей доставить ее.

— Съ удовольствіемъ, Николай Яковлевичъ, — обрадовался Зарудный.

И, взявъ конвертъ, онъ поспѣшилъ къ княгинѣ.

Старая княгиня приняла его очень любезно и, когда онъ передалъ ей конвертъ, поблагодарила за память Николая Яковлевича. Завязался незначительный разговоръ; Павелъ Петровичъ, между прочимъ, спросилъ о здоровьѣ княжны.

— Благодарю васъ, она здорова... порхаетъ, какъ бабочка... Вотъ у насъ и весна; правда, весна петербургская, сѣверная, но все-таки весна. Мы всегда уѣзжаемъ за границу на лѣто, но нынѣшній годъ, благодаря тому, что кузенъ Поль уѣхалъ на войну, онъ — подполковникъ, перевелся изъ N—скаго полка, — она назвала одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, — я отложила этотъ отъѣздъ... Богъ знаетъ, что еще съ нимъ можетъ быть...

— Да, война принимаетъ серьезный характеръ, —

сказалъ Зарудный.—И кто знаетъ, сколько она протянется.

— Вотъ въ виду этого я съ дочерью переѣзжаю на лѣто въ Павловскъ... Пріѣзжайте къ намъ на дачу.

Зарудный поблагодарилъ.

— А теперь Дора,—продолжала княгиня,—убѣжала въ садъ: не терпится ей, хочется поскорѣй на волю. Да боюсь я, не простудилась-бы она: погода сырая и холодная... Да и какая еще теперь зелень? только почки начинаютъ лопаться на деревьяхъ.

— Да, дѣйствительно,—согласился Зарудный:—на дворѣ прохладно и вѣтряно, и княжна рискуетъ схватить насморкъ.

— Не будете-ли вы добры, не сходите-ли за ней въ садъ? Она, можетъ быть, васъ скорѣй послушаетъ и вернется... А я прикажу подать кофе.

— Съ удовольствіемъ, княгиня.

Зарудный съ бьющимся сердцемъ пошелъ по незнакомой дорогѣ, которую показалъ ему уже старенькій бритый, съ огромными пушистыми баками, лакей.

— Ея сіятельство княжна Дарія Сергѣевна изволятъ быть въ бесѣдкѣ,—почтительно сказалъ онъ, показывая на песчаную дорожку.—Эта дорожка ведетъ къ бесѣдкѣ-съ...

Зарудный поблагодарилъ его и пошелъ. Садъ былъ не большой, но старый: громадныя смѣшанныя деревья говорили о своей долгой жизни. Судя по густотѣ ихъ, садъ былъ лѣтомъ очень тѣнистый, но теперь оголенныя деревья протягивали свои длинныя тонкія вѣтви по всѣмъ направленіямъ. День былъ сравнительно холодный, но солнечный. Большія пушистыя почки готовились распуститься молодой листвою. Идя посединѣ широкой аллеи, Зарудный увидѣлъ вдали бесѣдку и направился къ ней. Подойдя ближе, онъ замѣтилъ въ ней княжну, и все существо его затрепетало отъ восторга—словно внезапный электрическій токъ передался и заставилъ его сердце забиться сильнѣе. Княжна тоже увидала его: она подняла голову отъ книги и глядѣла по аллеѣ навстрѣчу ему. Когда Зарудный подошелъ, дѣвушка закрыла книгу и улыбнулась ему.

— Здравствуйте, княжна,—весело проговорилъ онъ, войдя въ бесѣдку.

— М-г Зарудный!—встрѣтила его Дора, и ея щеки слегка зарозовѣли.

Они поздоровались. Дора была въ каракулевомъ полупальто, плотно охватившемъ ея бюстъ; на ея головѣ была весенняя шляпка.

— Я явился къ вамъ, княжна, въ качествѣ посла отъ ея сіятельства княгини,—продолжалъ Зарудный:—ваша матушка боится, какъ-бы вы не простудились.

— Ахъ, maman напрасно безпокоится: погода прекрасная... солнце...

— Да... но не скажите, княжна, что прекрасная; здѣшняя петербургская погода измѣнчива, сыра, и теперь тѣмъ болѣе, что весна.

— Мы, сѣверяне, рады и такой веснѣ,—замѣтила Дора.—Садитесь, м-г Зарудный, побесѣдуемъ... Простите, я забыла ваше имя и отчество...

— Павелъ Петровичъ.

Зарудный сѣлъ напротивъ дѣвушки и внутренно залюбовался ею.

— А княгиня не обидится, что мы не вернулись сейчасъ?

— Нѣтъ, maman добрая... да мы сейчасъ и пойдемъ.

Незначительный разговоръ коснулся погоды, предстоящаго лѣта и, наконецъ, перешелъ на войну.

— Кузенъ вашей матушки тоже уѣхалъ на войну?..—спросилъ Зарудный.

— Да, Павелъ Григорьевичъ никого не слушаетъ, кромѣ самого себя... Что-то его ожидаетъ... До сихъ поръ онъ благополученъ, хотя и былъ уже въ небольшомъ дѣлѣ... Конечно, опасно быть на войнѣ... но въ военное время воину тамъ и мѣсто...

— Я съ вами согласенъ, княжна,—согласился Зарудный, и согласился искренно.—И если мнѣ выпадетъ жребій идти на Востокъ, я поѣду безъ сожалѣній о себѣ...

— О, я не говорю относительно васъ,—поспѣшила Дора.

— Я это понимаю, княжна... Я высказалъ только свой взглядъ на этотъ предметъ... Нѣкоторые, правда, ѣдутъ словно поневолѣ, по необходимости... Я-же, говорю вамъ, поѣхалъ-бы... пожалуй, даже съ радостью...

— Почему-же съ радостью?..

— Да, признаться, жалѣть мнѣ пока некого, да и обо мнѣ не многіе пожалѣютъ... Я—человѣкъ одинокій.

Княжна вопросительно взглянула на него.

— Вы какъ-будто уже разочарованы въ жизни, Павелъ Петровичъ?..—спросила она.

— Нѣтъ... но...

И Зарудный закончилъ это „но“ смахиваніемъ со стола перчаткой.

— Но война все-таки—ужасное дѣло—продолжала княжна.—И еще вопросъ, когда она кончится...

— Да если намъ не удастся вначалѣ, теперь-же, нанести существенный ударъ японцамъ, они могутъ сосредоточиться въ большихъ силахъ, и тогда война можетъ затянуться надолго... Дѣло подъ Тюренченомъ показало, что непріятель обладаетъ прекрасной артиллеріей... Да, это—достойный врагъ для русскихъ... Много будетъ убитыхъ и разбитыхъ надеждъ и жизней...

Далѣе разговоръ коснулся театра, музыки; наконецъ, княжна встала.

— Идемте, Павелъ Петровичъ, maman, я думаю, и такъ заждалась насъ. Если вы такъ любите Гуно, я сыграю вамъ что-нибудь изъ „Фауста“.

— Я сочту за счастье послушать вашу игру, княжна.

— Наконецъ-то, вы явились!—встрѣтила ихъ княгиня.—Вотъ молодость: ей и погода нипочемъ.

— Да мы, maman, разговорились съ Павломъ Петровичемъ, а время, конечно, летѣло... Но погода пріятная: свѣжая, солнечная... такая погода даетъ бодрость, здоровье... Не правда-ли, Павелъ Петровичъ?...

— Не только, что правда, но святая истина,—усмѣхнулся Зарудный.

— Аминь!—вздохнула княгиня и приказала подать кофе.

Подали кофе. Разговоръ сдѣлался общимъ. Княгиня шутила. Зарудный поддерживалъ ея веселое настроеніе. Всѣмъ было какъ-то весело.

— Его сіятельство графъ Александръ Ѳедоровичъ Химкинъ,—доложилъ явившійся лакей.

— Просите!—сказала княгиня.

Княжна какъ-то сразу словно оборвала свое веселое настроеніе, какъ показалось Зарудному, и сдѣлалась сосредоточенною.

Вошелъ молодой высокаго роста красавецъ-офицеръ въ формѣ одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Зарудный взглянулъ на него, взгляды ихъ встрѣтились,—и словно критическая искра

ВСТРѢЧА. Съ картины **А Пересъ.**

блеснула въ глазахъ вошедшаго, когда онъ увидѣлъ Павла Петровича. Вошедшій, какъ хорошій знакомый, непринужденно поздоровался съ княгиней и княжной.

— Графъ Александръ Ѳедоровичъ Химкинъ, — сказала княгиня Зарудному, показывая на гостя, — Павелъ Петровичъ Зарудный.

Они поздоровались.

Ротмистръ Химкинъ съ первыхъ словъ показался Зарудному однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ онъ не терпѣлъ, а именно, человѣкомъ, разглядывающимъ другого, незнакомаго ему человѣка какъ-то безъ церемоніи, какъ какое-нибудь насѣкомое...

— Вы, конечно, явились съ новостями?.. — спросила Химкина княгиня, когда тотъ бросился на мягкій стулъ.

— Vous avez raison, madame la princesse *), — началъ онъ громко. — Слухъ идетъ, что нашихъ на-голову разбили на Ялу...

— Ah, mon Dieu!.. **)—простонала княгиня.

— Почему-же не оффиціально, а только слухъ?— спросилъ Зарудный. — Что такое слухъ?

Химкинъ взглянулъ на него, какъ взрослый на ребенка, какъ человѣкъ на улитку.

— Вотъ она — наша армія, — покачалъ онъ головой, глядя на княгиню. — Она не знаетъ, что такое слухъ... Слухъ, господинъ За... За... За... З прудный, кажется?..

— Зарудный, — поправила княжна.

— Господинъ Зарудный... Слухъ, это — муха... ха-ха-ха... — закатился онъ громко. — Муха летитъ и жужжитъ: на вотъ, поймай меня, а я лечу... Ха-ха-ха...

— Слухъ — муха... Это, дѣйствительно, что-то мушиное, съ логической точки зрѣнія, — отвѣтилъ Павелъ Петровичъ. — Я потому не довѣряю всѣмъ этимъ слухамъ, что слухи — не факты...

Химкинъ небрежно взглянулъ на него и не удостоилъ ни однимъ словомъ.

— И еще новость, — обратился онъ къ княгинѣ: — фаворитка „Пчелка“ сломала себѣ ногу, уже почти будучи побѣдительницей... Каково? А?.. Сколько надеждъ рухнуло... Вотъ по комъ плакать надо... Такихъ кобылъ больше не осталось, кажется...

— Ah, mon Dieu... — снова вздохнула княгиня: — что-то теперь съ моимъ Полемъ..

— Не безпокойтесь, княгиня, — хладнокровно почти перебилъ ее Химкинъ, — если его и ранили — ничего... а если попалъ въ плѣнъ — у японцевъ, говорятъ, прекрасно поставленъ Красный Крестъ... Объ этомъ что говорить!.. А вотъ „Пчелки-то“ жаль... Хорошая была кобыла... Не правда-ли, княжна?—обратился онъ къ Дорѣ.

— Не раздѣляю съ вами этого сожалѣнія, — грустно отвѣтила Дора.

— Графъ, кажется, склоненъ болѣе жалѣть какихъ-то кобылъ, чѣмъ людей, павшихъ за родину,— вставилъ Зарудный.

— Есть люди хуже барановъ иословъ, а лошадь— благородное животное, — отвѣтилъ ему Химкинъ.

— Т. е., благородное четвероногое и каждый двуногій оселъ, говоря вашими словами, имѣетъ надъ нимъ власть и волю потому, что Богъ сотворилъ его по Своему подобію, далъ ему языкъ и разумъ для того, чтобъ онъ могъ повелѣвать этимъ благороднымъ животнымъ.

— А вы, должно быть, ученый богословъ?—съ сарказмомъ въ голосѣ спросилъ Химкинъ Зарудnаго. — Pardon, вы не изъ поповскаго... т. е., не изъ духовнаго-ли званія? Отъ васъ какъ-то божествомъ потягиваетъ.

— Нѣтъ. Я — потомственный дворянинъ, — съ достоинствомъ ему отвѣтилъ Павелъ Петровичъ. — А что?..

— Такъ... Я нахожу въ изгибѣ вашей лѣвой брови нѣчто духовное... Вѣроятно, вы — хорошій проповѣдникъ?..

— Я не болѣе какъ вѣрующій въ Бога человѣкъ и ненавижу людей, глумящихся надъ религіей...

— Гм... Такъ вотъ для такихъ людей, какимъ являетесь вы, теперь открыто большое поле... заслуги, это — война: можете, такъ сказать, задаромъ въ рай попасть... Вѣдь, говорятъ, всѣ тѣ, которые лягутъ костьми за отечество, получатъ награду — рай... Чего-же вы медлите?

— Я не медлю, время мое еще не пришло.. А вы?..

— Я? — Химкинъ взглянулъ на Дору. — Я тоже жду времени...

— Дора, ты сыграла-бы что-нибудь, — сказала княгиня дочери: — Павелъ Петровичъ такъ любитъ музыку и выразилъ желаніе тебя послушать.

— Я съ удовольствіемъ готова, maman, сыграть,— встала Дора. — Павелъ Петровичъ, кажется, любитъ Гуно? — взглянула она на Зарудnаго.

— Какъ я уже говорилъ вамъ, княжна, этимъ композиторомъ я упиваюсь...

Княгиня вышла изъ гостиной.

Княжна сыграла нѣсколько отрывковъ изъ „Фауста“. Играла она мастерски, увлекательно. Видно было, что, обладая музыкальнымъ ухомъ, она часто играетъ и, играя, вся отдается музыкѣ. Арію Зибеля съ цвѣтами, которую такъ любилъ Зарудный, Дора исполнила артистически.

— Прекрасная вещь — эта арія Зибеля! — съ восторгомъ проговорилъ Павелъ Петровичъ.—И нужно отдать вамъ, княжна, справедливость: играете вы прекрасно, восхитительно... Спасибо вамъ...

— Примите, княжна, и отъ меня русское спасибо,— подчеркнулъ послѣднее слово Химкинъ, — и кстати лавровый листокъ въ тотъ роскошный вѣнокъ, которымъ только что увѣнчалъ вашу голову господинъ За... За... забылъ... Pardon...

И онъ громко захохоталъ.

— Вы сегодня, кажется, въ розовомъ настроеніи?..— усмѣхнулась Дора по адресу Химкина.

— Нѣтъ... грустно... друга потерялъ, — упавшимъ голосомъ уронилъ Александръ Ѳедоровичъ. — Не видать мнѣ больше „Пчелки“... Хорошая кобыла была... Господинъ капитанъ не раздѣляетъ со мной моего горя.

— Нѣтъ, господинъ ротмистръ, я все еще нахожусь подъ вліяніемъ пѣсенки Зибеля...

— Можетъ быть, не пѣсенки, а самого Зибеля? Впрочемъ, такія духовныя лица едва-ли способны любить Зибелей безъ грима...

— Любовь — даръ Божій: дай Богъ больше любить и меньше ненавидѣть, — замѣтилъ Зарудный. — Только въ наше время, кажется, больше ненавидятъ, чѣмъ дѣйствительно любятъ... Вѣроятно, потому создалось это грустное явленіе, что люди, такъ сказать, излюбились, что люди разучились понимать любовь такою, какая она должна быть и какая она, дѣйствительно, есть, а понимаютъ подъ этимъ словомъ нѣчто позорящее человѣческое достоинство...

— Я понимаю васъ, Павелъ Петровичъ, — тихо проговорила княжна, — и вполнѣ съ вами согласна. По-моему, только тотъ человѣкъ имѣетъ право сказать „люблю“, который, понимая все значеніе этого слова, остается вѣрнымъ ему... И, конечно, такому

*) Вы правы, княгиня
**) О, Боже!

человѣку не часто приходится повторять это слово, такъ какъ объектомъ его является — единица...

— Именно, — согласился Зарудный.

— Аминь! — скрѣпилъ графъ Химкинъ.

V.

Возвращаясь домой отъ княгини Калишидзе, Зарудный раздумался объ этомъ визитѣ. Старуха-княгиня казалась ему еще лучшей женщиной, чѣмъ онъ думалъ о ней раньше: она казалась ему въ высшей степени тактичной и любезной; княжна носилась предъ нимъ въ ореолѣ ума...

„Какъ она дивно играетъ! — вспомнилъ онъ, — ей-бы давать концерты, быть звѣздой въ музыкальномъ мірѣ... Вѣдь, это — талантъ, громадный талантъ!.. Нѣтъ, я, кажется, начинаю любить... Вотъ что значитъ „любовь“... Только тотъ можетъ понимать это слово, кто самъ испытываетъ это чувство... Не знаю, что со мной дѣлается, но хорошо знаю, что готовъ сейчасъ-же вернуться обратно къ княгинѣ, чтобъ взглянуть еще разъ на Дору“...

На свѣтломъ фонѣ княжескаго дома темнымъ пятномъ являлся только графъ Химкинъ и Зарудный очень на него досадовалъ.

„И къ чему это онъ такъ какъ-то небрежно относится къ княжнѣ? — думалъ онъ о графѣ, — или въ этомъ заключается бонтонъ? Едва-ли это такъ... Просто онъ исповѣсничался, пресытился отъ этой богатой, довольной, беззаботной жизни; а ума у него немного... Но къ чему эта утрирующая развязность? Это ужъ какъ-то даже неприлично... Впрочемъ, я, вѣдь, хорошо не знаю его отношеній къ княгинѣ и княжнѣ, но все-таки“...

Съ этого дня Павелъ Петровичъ чаще сталъ посѣщать домъ княгини Калишидзе. Старая княгиня всегда была рада ему; княжна много играла и весело говорила съ нимъ о пустякахъ; серьезныхъ темъ ими затронуто не было. Въ общемъ, чѣмъ чаще являлся Зарудный въ домъ княгини, тѣмъ знакомство его со старухой и княжной дѣлалось проще, обыкновеннѣе. Это сближеніе вышло какъ-то само собою, словно всѣ трое заранѣе условились познать другъ друга и, познавши, остались этимъ знакомствомъ довольны.

Погожевы, замѣтивъ нѣкоторую перемѣну въ Павлѣ Петровичѣ, рѣшили между собою, что частыя посѣщенія имъ княжескаго дома суть результатъ его любви къ княжнѣ. Его тетка боялась этой любви, если она явилась, боялась на томъ основаніи, что старуха-княгиня едва-ли согласится отдать свою дочь за бѣднаго дворянина, родъ котораго, сравнительно съ родомъ Калишидзе, былъ въ Петербургѣ совсѣмъ неизвѣстенъ. Тайный совѣтникъ являлся противникомъ такого мнѣнія; по его словамъ, здѣсь главную роль играли дипломатія и его близкое знакомство съ княгинею. По его взгляду на вещи, въ княгинѣ онъ заранѣе имѣлъ вѣрнаго друга, готоваго на этотъ бракъ, что-же касается до княжны, то, по его мнѣнію, мать имѣла на нее огромное вліяніе. Но хотя тайный совѣтникъ и говорилъ все это женѣ, и думалъ поступить такъ, но внутренне онъ представлялъ все это себѣ довольно несбыточнымъ.

Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилась эта добровольная миссія Николая Яковлевича, если-бы дѣло не приняло другого оборота.

(Продолженіе будетъ.)

Утѣшеніе.

Живите въ довольствѣ и счастьѣ,
Смотрите на жизнь веселѣе
И на сердцѣ будетъ теплѣе.
Пусть злится надъ вами ненастье,
Пусть вьюга въ окно къ вамъ стучится;
Но яркое солнце проглянетъ,
Надъ вами громъ радости грянетъ
И вьюга навѣки умчится.

Е. П.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Зимняя прогулка. (Къ рис. на стр. 1537.) Увы!—того ужъ нѣтъ теперь, что было прежде. А картина, изображающая «зимнюю прогулку», передаетъ моментъ изъ жизни добраго стараго времени. Вдвоемъ на легкихъ саночкахъ отправились они на прогулку по городу въ ясный морозный день: «она» — хозяйка дома, а «онъ» — пользующійся особымъ ея вниманіемъ, ея поклонникъ. Привлекая вниманіе всѣхъ, но не обращая вниманія ни на кого, сами занятые увлекательной бесѣдой, проѣзжали они сначала по улицамъ города, а затѣмъ—и сами не знаютъ какъ—очутились на одинокой дорожкѣ загороднаго парка. Да, правда, сами не знаютъ какъ; по крайней мѣрѣ, они искренне удивились, когда обнаружили это, и недоумѣвающе взглянули другъ другу въ глаза. И тутъ-то вотъ и произошло—тоже неожиданно—то, что изображено на рисункѣ.

Пряхи. (Къ рис. на стр. 1543—46.) Скучно въ длинные темные зимніе вечера сидѣть краснымъ дѣвицамъ одиноко по своимъ деревенскимъ хатамъ. Не съ кѣмъ слова молвить, не кому думу свою завѣтную повѣдать. А говорить съ домашними, съ родными о дѣлахъ дѣвичьихъ не приходится. Вотъ и собираются пряхи другъ у друга на «посидѣлки» дѣвичьи. И чего-то чего не поразскажется на этихъ вечерахъ пряхами! Случается, что и молодчики бравые зайдутъ покалякать къ дѣвицамъ, ну, а тогда ужъ и работа въ сторону: во время веселья ужъ не до работы!

Средь шумнаго бала. (Къ рис. на стр. 1551.) Въ годину тяжкихъ испытаній, въ минуты огорченій человѣку еще болѣе необходимо, чѣмъ въ обычное время, развлечься, забыть огорченія и обиды. А гдѣ можно лучше всего забыть обыденныя огорченія, какъ не средь шумнаго бала? Здѣсь всюду лишь люкующія лица, громъ музыки, вихрь танцевъ и блескъ огней и туалетовъ. Какъ не забыть здѣсь, что гдѣ-то тамъ, въ темнотѣ, за этими блестяще освѣщенными внутри стѣнами, клокочетъ обычный тяжелый жизненный водоворотъ и слышатся стоны и вопли страдающихъ въ немъ людей?

Зимнія сумерки. (Къ рис. на стр. 1553.) Послѣднія искры кровавой зари блеснули на убранныхъ инеемъ верхушкахъ деревьевъ, блеснули и потухли совсѣмъ. Но въ то-же время вдругъ изъ-за скрытыхъ морознымъ туманомъ облаковъ выплыла блѣдная луна и ея матовый свѣтъ придалъ замерзшему лѣсу свою окраску. Зимнія сумерки наступили. Боязливыя лани пытливо обнюхиваютъ воздухъ и своими зоркими глазами стараются пронизать чащу кустарниковъ. Даже имъ, этимъ дѣтямъ лѣса, жутко въ лѣсу въ зимнія сумерки.

Встрѣча. (Къ рис. на стр. 1561.) Эта встрѣча произошла совершенно случайно, но тѣмъ пріятнѣе была она для встрѣтившихся. Давно уже они замѣтили другъ друга, но случай до сихъ поръ не представлялъ имъ удобнаго момента для переговоровъ. Теперь этотъ моментъ явился. Они одни. Конечно, робки и туманны будутъ первыя слова, но они скоро поймутъ другъ друга, а потомъ... кто знаетъ, можетъ быть, потомъ эта встрѣча навсегда устроитъ ихъ счастье.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ мѣханич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ. *2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.*

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. | 13 р. | 15 р.
8 бас. | 10 бас. | 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. | 20 р. | 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.

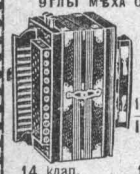
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА мѣдныя планки
5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.
СТАЛЬНЫЕ голоса мѣдныя планки
10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-РОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА. УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.



3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ		
12 клап.	14 клап.	
9 руб.	10 руб.	
4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ		
14 клап.	16 клап.	18 клап.
12 руб.	14 руб.	16 руб.
5-ти ПЛАНОЧНЫЯ		
14 клап.	16 клап.	18 клап.
15 руб.	17 р. 50 к.	20 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
Москва, Срѣтенка
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-куранты безплатно.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО ДРА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ
для БѢЛИЗНЫ, СМЯГЧЕНІЯ и ЧИСТОТЫ КОЖИ, ЛИЦА и РУКЪ
Придаетъ Кожѣ Свѣжій Видъ, рекомендуется какъ Хорошее Туалетное Мыло
НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОДПИСЬЮ ЕДИНСТВЕННАГО АГЕНТА для Россіи.
Василія Аурихъ въ С.Пбургѣ. Аурихъ

ПЕРУИН ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ДЛЯ **РОЩЕНІЯ ВОЛОСЪ.**
Флаконъ 1 р. 75 к. 222
Продается вездѣ.
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.
Бутылка имѣетъ на стеклѣ надпись: ПЕРУИНЪ.

Fichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Цѣна: коробка 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ, косметическое средство для улучшенія красоты кожи. **Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.**
Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ поставщикъ бельгійскихъ импер. театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: СПБ. **ТЕХНО-Химическ. Лабораторія,** С.-Петербургъ, Лиговская 123. 774

Для правильнаго пищеваренія необходимо принимать слабительныя пилюли Ара 48 шт. 95 коп.

ЛУЧШІЯ **ГИЛЬЗЫ**

„ФИЛИГРАНЪ“ и **„ТРІУМФЪ“** величайшей въ мірѣ фабрики Торг. Дома
А. КАМЫКЪ и К°
МОСКВА

ЧИСТОЕ ЛИЦО
получается скоро послѣ употребленія новаго средства
Угрих отъ **ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ**

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада **Рич. Пето.** СПБ. Караван. ул. 16. кв. 9.

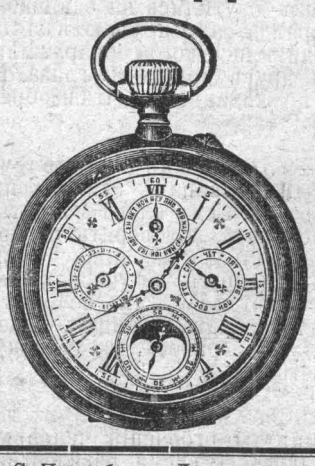
САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ
БЕЗПЛАТНО **ИСЦѢЛЯЮЩИМИ** БЕЗПЛАТНО
БЕЗВРЕДНЫМИ ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ.
КНИГУ, **ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ**, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХЪ“ въ 2-хъ частяхъ съ лѣчебникомъ „**ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ**“ высылаетъ **БЕЗПЛАТНО** по полученіи 21 коп. марками на расх. перес. (заказнымъ 28 коп.)
СТАРѢЙШАЯ, ОСНОВАННАЯ ВЪ 1834 ГОДУ
Центральная Гомеопатическая Аптека
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ, 15.
Существующая при Аптекѣ Лѣчебница Доктора Флемминга даетъ иногороднимъ письменные совѣты, (неимущимъ безплатно).

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛКИ! 445

„УСАТИНЪ А. ГЕБГАРДТА“
даетъ всякимъ усамъ удивительно изящную форму и сохраняетъ глянецъ и мягкость. Даже самые маленькіе усы дѣлаются большими и даже густыми.
„Усатинъ“—вещество не клейкое и не жирное.
Фл.—1 р. Перес. до 2 флак.—50 к., въ Азіат. Рос.—90 к.
Складъ техно-химическихъ спеціальностей А. ГЕБГАРДТА.
С.-Петербургъ, Невскій пр., № 88—6 (во дворѣ).

КОНЬЯКЪ ЗАВОДСКАЯ МАРКА **ШУСТОВА**

РѢДКІЕ ЧАСЫ!!!



Кому желательно имѣть что-нибудь новое, чтобы было, на что самому посмотрѣть и другимъ показать, рекомендуемъ пріобрѣсти самые практичные, прочные и изящные карманные мужскіе часы черные вороненой стали, съ вѣчнымъ календаремъ, вмѣсто 18 руб. только за 8 руб. и глухіе — 10 руб. Часы эти отличаются весьма вѣрнымъ ходомъ и, кромѣ обыкновеннаго времени, автоматически показываютъ мѣсяцы, дни и фазы луны. Такіе-же серебряные часы, крытые, всѣ 3 крышки 84-ой пробы - на 6 руб. дороже, т. е., въ 14 и 16 руб. Письменное ручательство за прочность и вѣрность хода часовъ на 8 лѣтъ. Требованія высылаются немедленно налож. платеж. и безъ задатка. Адресовать: Складу часовъ Т-ва **„Универсаль“,** Варшава—18. Къ каждымъ часамъ прилагаемъ безплатно: 1) цѣпь американскаго золота, 2) кольцо золотое 56-ой пробы съ искусствен. камнемъ, 3) 1 кожан. портмоне со штемпелемъ имени и фамиліи заказчика. 581

Графическое заведеніе «Родины» (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

Слабыя въ развитіи или въ ученіи отставшія дѣти, а также малокровные, себя слабо чувствующіе и нервные переутомившіеся, легко раздражающіеся взрослые всякаго возраста употребляютъ, какъ укрѣпляющее средство, съ большимъ успѣхомъ

Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ.

Аппетитъ увеличивается, душевныя и тѣлесныя силы повышаются, вся нервная система усиливается.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Требуйте только настоящій Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ и не допускайте навязывать себѣ поддѣлокъ.

!! КАШЕЛЬ и ОХРИПЛОСТЬ ИСЧЕЗАЮТЪ !!

при употребленіи

Гау'скихъ соденскихъ минеральныхъ лепешекъ.

Покупать можно по 70 коп. за коробку во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главное депо:

Поставщики двора Штоль и Шмидтъ въ С.-Петербургѣ. Представитель для Россіи: Ф. Шарффъ, Варшава, Королевская ул., 18. 498

НОВѢЙШІЯ и **ИЗЯЩНѢЙШІЯ** коллекціи для елокъ въ 728

2 р. 95 к., 5 р., 10 р. и дороже.

Особенное вниманіе обращая на чудно составленныя коллекціи въ 2 р. 95 к., 5 р. и 10 р. которыя всѣхъ поражаютъ своею изящностью, полностью и дешевизною, можно только удивиться, какъ можно дать такъ много за такія небольшія деньги. Перес. налож. платеж.

Телеграм. исполн. немедленно. **Базаръ Марокъ,** С.-Петерб., Невск., 20, кв. 9.

ВОСТОЧНЫЯ ПИЛЮЛИ

Pilules Orientales

Развиваютъ и укрѣпляютъ формы бюста у женщинъ и придаютъ имъ граціозную полноту, безъ вреда для здоровья. Флаконъ съ объяснительной брошюрой—3 руб., внѣ Петербурга—3 р. 50 к. съ пересыл. J. Katié, pharmacien, 5, Passage Verdeau, Парижъ.

Депо въ С.-Петербургѣ у Штоль и Шмидтъ. 504

Дешевая библіотека РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ

изданія А. А. КАСПАРИ,

выходящая, какъ особое дополненіе „РОДИНЫ“ исключительно для **ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ** по крайне льготной и **УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ.**

I.

А. С. ПУШКИНЪ.

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Цѣна безъ переплета 1 р., въ двухъ тисненыхъ переплетахъ 1 р. 40 к. безъ пересылки.

II.

Н. В. ГОГОЛЬ.

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ въ переплетѣ. Цѣна 1 руб. безъ пересылки.

III.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ въ переплетѣ. Цѣна 1 руб. безъ пересылки.

IV.

М. Н. ЗАГОСКИНЪ.

Полное собраніе историческихъ и бытовыхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и очерковъ въ двухъ томахъ. Цѣна безъ переплета 1 руб., въ двухъ тисненыхъ переплетахъ 1 р. 40 коп. безъ пересылки.

За пересылку КАЖДАГО изъ этихъ четырехъ изданій прилагается отдѣльно: для мѣстъ Европейской Россіи—50 к., для мѣстъ Азіатской Россіи—60 к.

ОСОБАЯ ЛЬГОТА.

Лица, живущія въ Европейской Россіи, при совмѣстной выпискѣ **двухъ изданій** русскихъ классиковъ платятъ:

1)	За Гоголя и Жуковскаго вмѣстѣ	2 р. 50 к
2)	За Гоголя и Пушкина „	2 „ 90 „
3)	За Гоголя и Загоскина „	2 „ 90 „
4)	За Жуковскаго и Пушкина „	2 „ 90 „
5)	За Жуковскаго и Загоскина „	2 „ 90 „
6)	За Пушкина и Загоскина „	3 „ 30 „

При выпискѣ всѣхъ **четырехъ изданій**, т. е., сочин. Гоголя, Жуковскаго, Пушкина и Загоскина, вмѣстѣ платятъ 5 р. 80 к.

Лица, живущія въ Азіатской Россіи, ввиду дороговизны пересылки, уступкой не пользуются.

V.

МАРЛИНСКІЙ.

(А. А. БЕСТУЖЕВЪ.)

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Цѣна 1 руб. безъ переплета, а въ двухъ тисненыхъ переплетахъ 1 р. 40 коп. безъ перес. За перес.: 50 к для Европ. Россіи, 60 к.—для Азіатской. (Это собраніе выйдетъ въ 1905 г.)

Требованія адресуются въ

Книгоиздательство А. Каспари.

С.-Петербургъ, Лиговская ул., 114, при главной конторѣ журнала „Родина“ или въ ея отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. 20, и 2) Москва, Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ.

ОТКРЫТА на 1906 г. ПОДПИСКА на ИЗДАНІЯ А. А. КАСПАРИ:

I.

„РОДИНА“ (28-й годъ издан.) дастъ въ 1906 г.:
52 №№ художеств.-литературн. ЖУРНАЛА,
52 №№ политич. и обществ. ГАЗЕТЫ,
52 №№ иллюст. „ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,
52 №№ илл. „РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха“

48 КНИГЪ
1) 12 кн. РОМАНОВЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,
2) 12 кн. СОБРАНІЯ сочиненій Г. ЗУДЕРМАНА,
3) 12 кн. библіотеки „ЗНАНІЕ и ПОЛЬЗА“,
4) 12 кн. п. назв. „ОБЩЕПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА“.

Кромѣ того, БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: 12 № „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“, 12 № МОДНАГО журн., 12 лист. выкроекъ, 12 лист. рисунковъ любит. раб., 12 лист. УЗОРОВЪ для рукодѣл., ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ и КАЛЕНДАРЬ-справочникъ на 1906 г.

Сверхъ всего, большую ОЛЕОГРАФІЮ, размѣромъ въ 75 на 50 сантиметр., съ историч. картины

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ

изображающ. торжеств. собраніе Царя и народныхъ представителей, послужив. основой **Государственной Думы**

РАЗСРОЧКА допускается при подпискѣ **2 р.** — РАЗСРОЧКА допускается при подпискѣ **2 р.**

Подписная цѣна „РОДИНЫ“ за годъ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	Безъ доставки въ Москвѣ	Съ доставкой въ С.-Петерб.	Съ пересылкой по всей Россіи
5 р.	5 р. 25 к.	5 р. 50 к.	6 р.

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ 2 руб., 1-го марта—1 р. 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

II.

НОВЬ Самый ДЕШЕВЫЙ популярно-научный иллюстрированный доступный для всѣхъ НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ, съ доставкой въ годъ только за **2 руб.**

дастъ гг. подписчикамъ въ теченіе 1906-го года:

50 №№ иллюстрированн. литературно-научнаго **ЖУРНАЛА** и при немъ **100** №№ спеціальныхъ **отдѣловъ**

20 №№ „Домъ, садъ и огородъ“,—**20** №№ иллюст. „ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ“

12 №№ „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“,—**12** №№ „ВОСПИТАНІЕ и ЖИЗНЬ“,

20 №№ „Наука и прикладныя знанія“ и **16** №№ „Домашній врачъ“.

Сверхъ того, за доплату ОДНОГО рубля при „НОВИ“ выйдутъ

12 КНИГЪ РОМАНОВЪ повѣстей и разсказовъ лучш. русскихъ и ин. стран. писателей, подъ названіемъ **„ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“**

Подписная цѣна: **„НОВЬ“** со всѣми отдѣлами СЪ 12 книгами „ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“ за годъ только за 6 мѣсяцевъ 1 руб. 60 коп. **3 руб.** ПРОГРАММА безплатно.

Подписная цѣна: **„НОВЬ“** со всѣми отдѣлами БЕЗЪ 12-и книгъ „ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА“ за годъ только за 6 мѣсяцевъ 1 руб. 10 коп. **2 руб.** ПРОГРАММА безплатно.

ПОДПИСКА на журналы „РОДИНА“ и „НОВЬ“ адресуется въ

ИЗДАТЕЛЬСТВО А. А. КАСПАРИ: С.-Петербургъ, Лиговская, д. 114, или въ его отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, 20 и 2) Москва, Петровскія линіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ.

ВМѢСТО 23 РУБЛЕЙ

только за 3 р. 50 к. съ перес. высылаемъ нал. платежомъ безъ задатка изящн. и прочн. карман мужск. откр. часы изъ настоящаго французскаго новаго золота „Вѣнъ“ ● не позолоченные ● заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6-ть лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоющихъ 100 руб. Такіе-же глухіе—цѣна 6 руб. Дамскіе глухіе—цѣна 7 руб. Адресовать: Въ главный складъ часовъ Тов. „Комета“, Варшава, Грибная площадь, 7.

Безплатно къ часамъ прилаг. цѣпочка того-же металла и брелокъ.

P. S. Премія: при заказѣ 5-ти штукъ часовъ сразу прилаг. 1 часы безплатно.

Остерегайтесь поддѣлокъ!

Обращ. вним. на марку „Вѣнъ“! 515

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ

журналъ нотъ для фортепіано и пѣнія

„НУВЕЛЛИСТЪ“

Сущ. съ 1839 г., въ 1906 году онъ дастъ

За 5 руб. съ пересылкой 6 р.

500 страницъ нотъ состоящихъ изъ:

52 салонныхъ пьесъ, по урри изъ оперъ и оперет. въ 2 и 4 руки.

36 новѣйшихъ модн. вальсовъ, кадриллей, полекъ, мазурокъ, па-де-катръ и др.

24 романсовъ знамен. автор. Цыган. пѣсенъ, мелодекламацій.

36 пьесъ, танцевъ, пѣсенокъ для дѣтск. возраста.

240 столбцовъ интересн. музык.-театральной газеты и хроники. Кромѣ того

БЕЗПЛАТНО по выбору гг. подписчиковъ

ПОЛНАЯ ОПЕРА или оперета или альбомъ классической или легкой музыки, для чего будетъ предложено

100 разныхъ №№ или изящно изданный альбомъ

любимыхъ оперныхъ и опереточныхъ мелодій.

Кромѣ означен. премій гг. подписч. получатъ **2 художествен. портрета**

При главн. конторѣ допускается разср.: при подпискѣ 2 р., къ 1-му Марта 2 р. и остальныя къ 1 Мая.

Означенн. сочин. стоютъ въ отд. продажѣ 75 р., а при подпискѣ только 5 р., съ пересылкой 6 р.

Требованія просятъ адресовать: Въ СПб., въ главную контору журнала „НУВЕЛЛИСТА“ (К. И. Бернгарду) Невскій пр., д. № 45.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 28. Москва, по Б. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.

● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ● съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.

Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ. УКРАШЕНІЯ ДЛЯ ЕЛОКЪ.

Мои коллекціи елочныхъ украшеній въ настоящее время уже составлены и особенно выдаются своимъ изяществомъ. Не перечисляя предметовъ, помѣщенныхъ въ коллекціяхъ, такъ какъ добросовѣстное мое отношеніе къ почтеннымъ гг. покупателямъ достаточно извѣстно, имѣю честь сообщить, что цѣны назначены, какъ и въ предыдущихъ годахъ: 544

2 р. 95 к., 5 р., 10 р. до 100 р.

Вслѣдствіе просьбы моихъ заказчиковъ я изготовилъ въ этомъ году еще коллекцію

въ 2 р. 95 к. съ 205 вещами

и тутъ вложено рѣшительно все для украшенія небольшой елки. Эта коллекція въ **2 р. 95 к.** рѣшительно внѣ всякой конкурренціи по полнотѣ, изяществу и дешевизнѣ.

Высыл. нал. платежомъ **Базаръ Марокъ**, С.-Петербургъ, Невскій 20, кв. 9.

GRANDPRIX

Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 864

Пров. КИНУНЕНА. **ЭЛЕОПАТЪ.**

БЕЗПЛАТНО высылается брошюра. **ЛѢЧЕНІЕ ЗАИКАНІЯ** Ч. Ю. ЭРНСТА Москва. Чистые пруды № 138

Руководство къ самообученію 3 руб.

КРОЙКѢ И ШИТЬЮ ОБУЧАЮ въ школѣ и заочно посредств. лекц. корреспонд. дамск. и дѣтск платьевъ по методу **ВОРТА**. Условія и пробн. лекц. высылаю безплатно. Кіевъ, **АШМАРИНА**, АБОН. № 153. 152

IV годъ изданія — **ЖУРНАЛЪ для ЧИТАЮЩЕЙ СЕМЬИ** —

Приложенія въ 1906 году:

художеств. альбомъ **„ДЕКАБРИСТЫ“**

и 18 книжекъ

1. Историч. очерки (48-ой годъ), проф. *Э. Гриммъ*. 2. Душа человѣка, *Ремке*. 3. Этика, *Ахелисъ*. 4. Всеобщ. ист. культуры, *Эйслеръ*. 5. Основныя понятія естествознанія, *Ауэрбахъ*. 6. Будда, *Гарди*. 7. Ист. религій, *Ахелисъ*. 8. Волны въ эѳирѣ, *Н. Брянскій*. 9. Химич. опыты для начинающихъ, *Шейдъ*. 10. Пять чувствъ человѣка, *Крейбигъ*. 11. Изъ жизни русск. природы, извѣстн. книга *М. Богданова*, и 7 книж. подъ ред. проф. *И. И. Иванюкова*: 12. Что такое парламентъ, *М. Ковалевскій*. 13. Избирательное право 14. Аграрный вопросъ въ Россіи. 15. Четыре свободы, *Ю. Гамбаровъ*. 16. Рабочій вопросъ. 17. Экономическій строй Россіи, *В. В. (Воронцовъ)*. 18. Народн. образованіе на Западѣ и у насъ.

Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія

Еженедѣльн. иллюстр. журналъ съ ежемѣсячными приложеніями

6 РУБ. въ годъ, съ перес.

Допускается разсрочка:
при подпискѣ . 2 р.
къ 1 марта . . 2 р.
и къ 1 мая . . 2 р.

За первые 3 года изданія изъ прилож. къ журналу (36 книжекъ) составилась цѣлая библіотека научнаго и учебнаго характера, куда, между прочимъ, входятъ: **ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ, ФРАНЦ.-РУСС. СЛОВАРЬ, НѢМЕЦКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ, ФИЛОСОФ. СЛОВАРЬ, УЧЕБНИКЪ ФИЗИКИ, СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ, ХРОНОЛОГІЯ ВСЕОБЩЕЙ И РУССКОЙ ИСТОРІИ и др.**

Подписчикамъ на 1906 годъ, пріобрѣтающимъ полный комплектъ за первые три года, всѣ **36 книгъ** высылаются

ЗА ШЕСТЬ РУБЛЕЙ вмѣсто 12 руб.,

причемъ деньги слѣдуетъ высылать одновременно со взносомъ на журналъ. На стоимость пересылки налагается платежъ.

Требованія и деньги адресовать:

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ

С.-Петербургъ, Прачешный, 6.

подъ редакціей профессоровъ П. И. БРОУНОВА и В. А. ФАУСЕКА.

Проспекты безплатно.

СОДЕРЖАНІЕ № 49-го иллюстрированнаго журнала „РОДИНА“: **Ершъ и Пыжъ.** Повѣсть кн. М. Н. Волконскаго. (Прод.) — **Желанный край.** Стих. М. Караулова. — **Горькая доля.** Разск. Н. Д. Старостина. (Прод.)—**Утѣшеніе.** Стих. Е. П.—**Описаніе рисунковъ.**—**РИСУНКИ:** Зимняя прогулка. Съ карт. Л. Горста.—Пряхи. Съ карт. П. Куликова.—Средь шумнаго бала. Съ карт. Г. Бровара.— Зимнія сумерки. Съ карт. Ф. Натъ.—Встрѣча. Съ карт. А. Пересъ.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха Предъ праздникомъ. Разск. Ив. Епифанова—Подъ тропиками. (2 рис.) — Трудолюбивый. (1 рис.) — Для моціона. (1 рис.)—Она увѣрилась (1 рис.)—Поэтъ. Сценка-шаржъ Апулея. —Образцовый городовой. (1 рис.)—Мозаика.—Анаграмма № 8. — Магическая звѣзда № 3.— Энстихозъ № 14.—Магическій крестъ № 28.—Ариѳмографъ № 12.—На каткѣ. (2 рис.) — Перестановка слоговъ № 18.—Загадка № 28.—Перестановка слоговъ № 19. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу. № 47.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. К. С. Немѣшаевъ (Съ портр.)—Н. Н. Герардъ. (Съ портр.)—А. Л. Шанявскій.—Московскія манифестаціи.—Отголоски изъ Севастополя. (Съ 2 рис.)—Къ событіямъ въ Кронштадтѣ. (Съ 1 рис.) —Къ безпорядкамъ въ провинціи. (Съ 2 рис.) — Выпускъ заключенныхъ изъ тюремъ Варшавы. (Съ 3 рис.)—Манифестаціи безработныхъ въ Лондонѣ. (Съ 1 рис.)—Всемірное Обозрѣніе.

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 36 столбцовъ журнала и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Собраніе романовъ „Родины“ 1905 г., № 24. Романы русскихъ писателей, кн. 12-я, содержащая въ себѣ: Романъ А. И. Лаврова

„ЦАРИЦА ХУНХУЗОВЪ“.

„Всемірное Обозрѣніе“ № 49 и „Развлеченіе въ часы отдыха“ № 49 будутъ разосланы при слѣдующемъ № 50 „Родины“.

Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал reduktorer rutracker.org